

Лиана Хаким

ЛЕСТНИЦА К САМОМУ СЕБЕ

16+

Лиана Хаким

Лестница к самому себе

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Хакиm Л.

Лестница к самому себе / Л. Хакиm — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Эта книга о том, как мать воспитала троих детей с любовью и мудростью. О том пути, который пришлось пройти через трудности и слезы. О цене славы в детском спорте. Мне уже 34 года и, как мне кажется, я так мало сделала в этой жизни. Надеюсь, эта книга поможет раскрыть понимание для родителей, что все дети талантливы, надо лишь почувствовать и помочь раскрыться их внутреннему миру. Не нужно пытаться делать из художника баскетболиста, но, если вы увидели какой-то талант, не бросайте ребенка на произвол судьбы, предоставьте ему выбор и покажите, что он может добиться успеха. Автор обложки и иллюстраций - художник Андрей Путилин.

© Хакиm Л., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Лиана Хаким

ЛЕСТНИЦА к самому себе

Как воспитать успешных
целеустремлённых детей

Эта книга о том, как мать воспитала троих детей с любовью и мудростью. О том пути, который пришлось пройти через трудности и слезы. О цене славы в детском спорте. Мне уже 34 года и, как мне кажется, я так мало сделала в этой жизни. Надеюсь, эта книга поможет раскрыть понимание для родителей, что все дети талантливы, надо лишь почувствовать и помочь раскрыться их внутреннему миру. Не нужно пытаться делать из художника баскетболиста, но, если вы увидели какой-то талант, не бросайте ребенка на произвол судьбы, предоставьте ему выбор и покажите, что он может добиться успеха.

Глава 1 Мой сын Наирь

Я родила его в 18 лет. Это были первые роды, но мне было совсем не страшно. Беременность протекала прекрасно, я не ощущала ее, в душе царила только радость по поводу предстоящего материнства. Я оставалась активной, много ходила пешком, слушала классику и все время общалась с сыном, посылая ему лучшие эмоции.

Что касается процесса появления на свет, меня сильно мучил вопрос по поводу того, кто перевяжет пуповину. Не знаю почему, но это казалось важным и интимным моментом, я не хотела оставить его без внимания. Мне советовали разных врачей, но я остановилась на Марианне, очень доброй и грамотной в своем деле. Она была заведующей отделением патологии новорожденных. Мягкий и отзывчивый человек, имеющий семью, что тоже немаловажно.

Я подробно объяснила, что для меня важно, чтобы первый человек, который прикоснется к моему новорожденному дитя, послал ему только позитивные светлые эмоции и пожелал что-нибудь хорошее. Марианна удивилась: перед ней стояла восемнадцатилетняя девчонка, которая просила что-то невероятное и совсем несвойственное молоденьким дурочкам.

– Для меня это будет большая честь, – сказала Марианна и улыбнулась.

Спустя некоторое время нашего знакомства она любила рассказывать, что за все тридцать лет практики слышала подобную просьбу впервые.

Наирь родился здоровым и крепким ребенком весом 2900 кг и 51 см в обычном советском роддоме. Марианна принимала роды с трепетом и большой ответственностью, я чувствовала, что она относится ко мне по-особенному, не как к очередной роженице, и мне это было крайне ценно. Она перевязала пуповину, я видела, как бережно и тепло она это сделала, и мысленно благодарила Бога за то, что все прошло прекрасно.

Имя сыну дал мой отец, так как родного отца при родах не было из-за дальней командировки.

Наирь рос спокойным и милым ребенком, до года с половиной я кормила его грудью, а параллельно училась на заочном на юриста. Времени на воспитание было предостаточно.

Ребенок был очень пухлым, не мог ни ползать, ни сидеть, жировые складки на теле делали его похожим на сардельку. Врачи поставили ожирение, но лишать ребенка грудного молока я не могла. В 11 месяцев он встал на ножки и начал бегать. Именно бегать, а не ходить, притом на носочках. Наверное, ему мешали пухлые пяточки. Из игрушек, а у него их было не очень

много, Наирь любил мячи и постоянно гонял по всему дому в футбол. Можно сказать, так он познакомился со спортом, после чего жировые складки постепенно растаяли.

Когда ему исполнилось два года, я начала практику в городском суде. С отцом Наиря я развелась, наши отношения себя изжили, а мне хотелось идти дальше и не пересиливать себя, живя с нелюбимым человеком, как это делают многие.

Я переехала с Наирем к родителям, хотя успевала и работать, и уделять время воспитанию. Все же я наняла няню. Вечерами писала кандидатские и докторские работы студентам и чувствовала себя вундеркиндом. В суде я проработала три года.

Наирь очень быстро развивался, любил бегать и не расставался с мячом. Когда ему исполнилось пять, мы переехали в Астану. Город только начинал строиться. Наирь пошел в детский сад и уже там, среди сверстников, показал себя активным энтузиастом. Он участвовал во всех мероприятиях, конкурсах и играх.

Уже тогда меня не покидало желание отдать его обучаться спорту и, конечно, футболу, но в секцию его брать не хотели, объясняя это ранним возрастом.

– Пусть тогда сидит на скамье и смотрит. Или пусть подает, – сказала я пренебрежительно.

– Нагрузки не слабые, а ему всего 5 лет. Что вы хотите от ребенка?

– Он весь день гоняется с мячом, и я не хочу пускать это на самотек. Если не справится, я его заберу.

– Бегать по двору и заниматься – разные вещи.

– Ну вот и прекрасно! Быстрее поймет, что гоняться за мячом пустое дело.

Я видела, как разозлило тренера мое отношение к его виду спорта, но я тогда была довольно категоричной и настойчивой, потому не старалась быть деликатной, говорила, что думаю. Тем не менее, добивалась своего, и Наирь уже на следующий день пошел на первую тренировку.

Прошло два года. Все это время Наирь исправно посещал все занятия. И вот как-то раз он подошел ко мне и сказал:

– Мам, тренер хочет с тобой поговорить.

– Что-то случилось?

– Нет, просто он хочет, чтобы я играл с мальчиками девяти и десяти лет.

– Он в своем уме? Тебе же только семь! – возмутилась я, но потом посмотрела на сына. – А ты сам как к этому относишься? Хочешь?

– Да, я хочу.

Я услышала уверенность в голосе сына и не стала возражать. На тренировке я смотрела, как Наирь ведет себя в игре. Он скользил по полю, как фигурист на льду, а с мячом управлялся, будто с ним родился. Душа ликовала, никогда я не думала, что так быстро сын найдет себя и настолько органично впишется в, казалось бы, детское мальчишеское хобби.

Мне показалось, что наверняка старшие ребята злятся на него из-за подобной ловкости.

Мои мысли прервал подошедший тренер. Видно было, как он окрылен.

– Наирь мне очень нравится, – сказал он. – Вы не ошиблись. Это действительно его вид спорта. Мы зовем его Марадоной.

Я улыбнулась. Любой матери приятно слышать подобные слова, но все-таки не хотелось раньше времени радоваться.

– Я думаю, еще рано о чем-либо говорить. Ведь ему только семь.

– Я бы хотел, чтобы он сыграл на зональных соревнованиях, – сказал тренер, будто не слыша мои сомнения. – Пока он будет в запасе и выйдет в замену.

Я согласилась. Попытка не пытка. Нам терять нечего и время есть.

После усердных приготовлений и тренировок Наирь все еще очень волновался, но с энтузиазмом решил на первую важную игру в своей жизни. Он верил в себя, и я беспрестанно

подбадривала его, вселяла в него уверенность. Тренер тоже делал свое дело, и к игре Наирь будто повзрослел на несколько лет. Его было не узнать, от семилетнего ребенка не осталось и следа. Он будто всю жизнь играл на турнирах. Команда Наиря выиграла, он забил главный гол. Никогда я еще не была им так горда, а тренер был на седьмом небе.

Время шло, Наирь гонял в футбол и дальше. В школе он тоже учился хорошо, дополнительные занятия футболом ему совершенно не мешали. К футболу вскоре добавились шахматы, они тоже были сыну интересны. Уроки Наирь делал мгновенно, три раза в неделю ходил на шахматы, и каждый день играл в футбол. Я без сомнений отпускала сына во двор с дворовыми мальчишками гоняться за мячом и удивлялась количеству энергии, ведь всего час назад он вернулся с тренировки.

Так прошел еще один год. Наирь играл с ребятами на два, а то и три года старше себя, но хорошо их обводил. Команда выиграла чемпионат Казахстана, Наирь забил два гола из трех, это был отличный результат. Впервые в жизни он заработал двадцать долларов США и большой музыкальный центр. Это была настоящая победа! Сын был счастлив. Про себя вообще молчу.

Но как это иногда случается, жизнь готовила много неприятных сюрпризов, одним из которых была страшная аллергия Наиря на полынь. В период летнего цветения он мучился насморком и чувствовал себя простуженным. Аллергия не проходила полностью. Она то затухала, то вновь начинала атаковать. Сыну выписали капли, таблетки и промывание носа, но это лишь на некоторое время дарило облегчение, болезнь никуда не девалась.

Так прошел еще год тренировок, и Наирь не переставал быть лидером.

Мы переехали в другой город, и вот в очередное лето случилась беда – у Наиря произошел отек Квинке. Я еще до этого считала (видимо, ошибочно), что аллергия – болезнь XXI века, и от нее никуда не денешься, у всех на что-то аллергия, но отек красноречиво заявил о том, что Наирю хуже. Сына пришлось госпитализировать. В больнице он провел три недели. Капельница, строжайшая диета и жестокий вердикт врача: никакого футбола.

– Он бегаёт, и в бронхи забивается пыль. Экологических полей у нас, к сожалению, нет, поэтому с футболом придется завязывать. Да и вообще лучше исключить физические нагрузки.

Реакция Наиря меня поначалу порадовала. Он не опустил руки и не смирился со сказанными словами. Я никогда не позволяла детям отчаиваться. Человек должен двигаться только вперед и не стоять на месте, иначе он начинает деградировать. Как только Наирь вышел из больницы, он продолжил тренироваться. Но увы, вновь попал в больницу.

– Вы совсем не жалеете своего сына! Вам наплевать на него что ли? – говорил врач, практически переходя на крик, и я сходила с ума от мучающей меня совести одновременно с желанием срочно придумать что-то, вылечить сына и вывести его из этого замкнутого круга, где ему предстояло прожить скучную безрадостную жизнь, просиживая в каком-нибудь душном офисе и трясясь над своим здоровьем.

Новый диагноз звучал еще ужаснее – бронхиальная астма. Наиря поставили на учет, как астматика, и я видела, как он мучается от безысходности. Неужели он сломался? Неужели не захочет идти дальше и побороть болезнь?

Выйдя из больницы, я поставила сыну жесткие условия: он не будет тренироваться, а я помогу ему избавиться от астмы.

– Как мерзко стоять на учете, как старик, – жаловался мне Наирь, и я его понимала, но приходилось идти на поводу у болезни.

Нам выдавали спреи от астмы, которые снимали удушье. Ребенок ночью не дышал, а свистел, и я не находила себе место. Что я сделала не так? Когда упустила момент, в который образовалась болезнь, переросшая в такую беду? Ведь любая болезнь – это следствие каких-то психологических проблем.

Где-то я прочитала, что астма – это подавленные эмоции, страх показать слабость, зависимость от тех, кто сильнее. Так и было – Наирь постоянно держал себя в руках, равняясь

на меня и не давая выразить себе истинные чувства. В этом и была моя вина – я учила его быть сильным, но решила попробовать ослабить хватку и дать сыну больше свободы. Поначалу неважная аллергия, переросшая в серьезное заболевание, теперь казалась мне подсказкой на будущее – отпустить сына и перестать требовать от него идеальных результатов, дать ему выбирать и говорить открыто.

Он выходил из дома и шел практически на носочках, но ему хотелось бегать. Я видела, как ему плохо без спорта, но он без напоминаний принимал все лекарства и старался сдерживать желание вновь начать тренироваться. Почему-то лучше не становилось, и я поняла, что все, что я видела, было показухой, а в школе Наирь носится, как угорелый, с мячом. И тут я взорвалась, дав волю эмоциям:

– Наирь, если тебе плевать на себя, и ты не хочешь вылечиться, ты превратишься в калеку, которого будут кормить с ложки! И так и будешь свистеть и никогда не будешь играть в футбол!

Я практически кричала. Наирь плакал, и в душе я радовалась – он наконец выпустил эмоции наружу и рассказал мне все, о чем думает. Мы хорошо поговорили.

– Я хочу играть в футбол, мама! Как же мне теперь быть?! Ведь это так ужасно – забыть о том, что нравится и не иметь возможности быть самим собой! Только из-за дурацкой болезни, которая все мне испортила! Ведь я был хорошим футболистом, ты сама видела, но что теперь? Куда мне это девать? Зачем я столько добился? Чтобы потом все забыть? Чтобы надо мной все смеялись? Что вот я был чемпионом, а теперь несчастный астматик, который не может прожить без ингалятора.

– А почему бы пока не переключиться на другое увлечение? Ведь тебе нравилось играть в шахматы, так сделай пока упор на них. Там бегать не надо, а удовольствие останется.

Наирь задумался. Все-таки он не занимался шахматами так усердно, как футболом, и это было больше симпатией, чем страстной любовью, но моя мысль не показалась ему бредовой.

Учился Наирь хорошо, обладал отличной памятью, и заняться всерьез шахматами, пока восстанавливаются легкие, казалось хорошей перспективой.

По воле случая намечался чемпионат страны по шахматам. Наирь естественно решил участвовать. Я заметила у него интерес, который наконец возродился. Он не готовился к турниру, не разбирал партии, а просто ходил и играл в категории мальчиков десяти лет. В этой категории участников было больше всего, и Наирь стал четвертым. Мы смеялись. От счастья, от сожаления, от осознания чего-то. Смеялись над собой, над ним, над жизнью. Это было началом чего-то нового.

Конечно, мне хотелось, чтобы Наирь взял первое место, потому что для меня других мест не существовало, но я боялась, что болезнь вновь возьмется за сына из-за моей чрезмерной требовательности, но понимала, что пока стоит остановиться и радоваться тому, что сын вышел на новый уровень. В нем снова загорелось желание достижений.

Мы начали активно заниматься. Параллельно Наирь проходил лечение. Появился новый способ, влияющий на организм на клеточном уровне, и болезнь должна была отступить скорее. Лечение требовалось два раза в год по два месяца. Одновременно я решила проводить паразитарное очищение и клеточное питание для укрепления иммунитета. А два раза в день Наирь делал дыхательную гимнастику и закалялся. Три года изо дня в день сын уверенно шел к выздоровлению. Я верила и знала, что нет болезней, которые нельзя вылечить. Есть лишь лень, с которой необходимо бороться. И надо верить в себя.

Мы победили астму совместными усилиями, я выполнила обещание, и Наиря сняли с учета.

Когда Наирю исполнилось 13 лет, он решил возобновить тренировки по футболу. Он начал ходить в спортзал в группу сверстников, и на его лице опять появилось выражение недовольства и разочарования. У него ничего не получалось. Нагрузку Наирь не выдерживал, сил не хватало. После отсутствия в футболе на протяжении трех лет это было естественно, но

насколько это было больнее астмы. Я понимала, что сын может и не вернуться в футбол, но молчала, не желая вселять в Наиря неуверенность. Семь месяцев он ходил на тренировки каждый день. Приходил домой вымотанный и раздраженный, но останавливаться не собирался. Я не звонила тренеру и не ходила на тренировки. Началось лето, и я решила сходить на поле. Я была готова к тому, что увижу то, что мне не понравится, но не ожидала увидеть и половины того, что было на самом деле. Я пришла в ужас: Наирь играл из ряда вон плохо. Чтобы это увидеть, не нужно было знать тонкостей футбола. Он был в плохой физической форме, где-то не успевал, был неуклюжим, хотя мы бегали вместе в пять утра каждый день. Я не узнавала сына.

Тренер сказал, что Наирь не сможет играть. Слишком много времени упущено.

Пришлось пройти через это понимание. Наирю это далось нелегко. Его убивало бессилие. Меня же беспокоило его здоровье. Я боялась, что вновь появится одышка, но оставалось опять подбадривать сына и не оставлять его наедине с переживаниями.

Спустя месяц я предложила попробовать себя в борьбе. Наирь согласился без особого энтузиазма, но все же это был шаг вперед. Мы пошли к столичному тренеру, который тренировал детскую сборную. Для борьбы физика у Наиря была превосходная, но глаза у сына не горели. Месяц спустя он ушел оттуда.

В сентябре мы пришли на бокс, сыну исполнилось четырнадцать. Все лето он тренировался индивидуально у лучшего тренера, который поначалу назвал Наиря стареньким, но все же согласился взяться за него, будучи амбициозным, как и мой сын. Схожесть характеров, наверное, сыграла решающую роль.

Наконец я увидела, что у Наиря загорелись глаза. Я почувствовала в нем былую жажду к победам. На бокс он переключился с несомненным воодушевлением. Я понимала, что задача стоит не из легких, что для бокса нужна хорошая физическая подготовка, нагрузки предстоят серьезные, но Наирь не собирался отступать. Его не пугали трудности. Как и раньше.

Работа началась полным ходом. Каждый день приходя домой, Наирь говорил, что тренер недоволен. Он злился, молчал, а я каждый раз говорила, что нужно ставить цель и идти к ней. Через силу.

– У тебя получится, Наирь. Не опускай руки, это самое последнее дело. Нельзя останавливаться на первых порах. Часто бывает, что кажется, не получится, но до цели остается всего шаг. Надо пройти этот путь, а он долгий и тернистый. Ты ведь и в футболе не сразу пришел к результату, но сейчас ты стал старше, и сил потребуется больше. Когда твои соперники спят, ты должен работать вдвойне.

Наирь молчал и продолжал злиться на самого себя, но шел отрабатывать бой с тенью. Я видела, что в душе он горит, ему кажется, что он герой, что он сможет, но все было не так просто. Наирь не знал в боксе ничего, он начинал с нуля, но им двигала мечта.

Я решила договориться с другим тренером, который был в прошлом боксером. Он посмотрел данные Наиря и заверил, что при правильном подходе мальчик может пойти далеко. Он согласился взять Наиря в ученики.

Первые турниры он проиграл, потому что не боксировал, а дрался, а это говорило о неумении. Самым главным было то, что сыну нравилось. Он хотел заниматься больше и продуктивнее.

В этот период Наирь потерял интерес к учебе. Несмотря на давление с моей стороны и попытки вернуть энтузиазм, ему было скучно. Единственное, что удалось сделать, это привить любовь к чтению. Вначале это было обязанностью читать летом по списку, но потом Наирь сам втянулся и начал глотать книги одну за другой. Он читал классические произведения Достоевского, Гоголя, Толстого, а вечером я просила его рассказать, что он понял из прочитанного. Наирь читал русскую и зарубежную классику. Он любил историю и подобные книги читал без перерыва. Параллельно учил английский язык.

Первый год в боксе Наирь выл. Он злился, что никто его не хвалит, а только ругает. Нагрузки становились все тяжелее, но я не давала ему сдаваться.

– Терпи, работай. Будешь жаловаться, пойдешь работать на стройку.

Я видела, что потихоньку Наирь набирает силу. В любом случае, если много и правильно работать, результат не заставит себя долго ждать. За год он занял второе и третье место на двух турнирах, а на одном вышел на первое, но я даже не посмотрела на его дипломы и медали. Они лежат в отдельной папке и на отдельной полке. Для меня существует только первое место и все остальные.

Второй год начался лучше. Наирь прошел отбор на Чемпионат Казахстана, но проиграл. Он выиграл два международных турнира, на третьем занял второе место. Наирь выполнил норму кандидата в мастера спорта.

– Вот видишь, все зависит от тебя! А ты сомневался в победе.

– Да, мама. Я стану олимпийским чемпионом!

Меня радовал такой настрой, но проигрыш в чемпионате Казахстана расстраивал. Наирь не попал в сборную, и это было большим минусом. Ближе к лету его пригласили на два учебно-тренировочных сбора, где тренируется сборная. Если там он себя проявит, то поедет на чемпионат мира и на евро-азиатские игры. Предстоял большой путь, но начало было пройдено, дорога проложена, и я верила в то, что Наирь добьется того, чего захочет.

Глава 2

Бибисара

Так зовут моего среднего ребенка, но мы все зовем ее Сарой.

Сара родилась зимой, 26 февраля 2004 года в Таразе. Беременность проходила хорошо. Я хотела дочку и знала, что именно так и будет. Как-то так повелось, что я всегда угадывала, кто у меня родится.

Как и с Наирем, в процессе беременности я каждый день слушала классическую музыку. Очень нравились скрипка и фортепиано, и, конечно, вся классика от Баха, Моцарта, Бетховена до Ванессы Мэй. Вела активный образ жизни и общалась с малышкой в животе. Как обычно выбрала подходящего человека для перевязки пуповины. Им оказалась главврач роддома, статная и красивая женщина.

Первые сутки после рождения Сара не просыпалась вообще. На вторые сутки мне даже стало страшно, почему она все время спит. Я потерела ее носик, Сара открыла глаза и опять закрыла. Так прошли еще сутки. На третий день я начала переживать, почему малышка столько спит и даже не просит есть, как другие дети. Подходила проверять ее каждый два-три часа. К вечеру она проснулась, но не заплакала и не закричала. Она просто лежала с открытыми глазами и изучала окружающий мир. Я поняла, что она хочет кушать.

Через три дня нас выписали.

Сара была само спокойствие. Она целыми днями лежала на большом пеленальном столе. До месяца она слушала классическую музыку, которая играла с утра до позднего вечера, и почти не плакала.

Когда ей исполнилось 4 месяца, мы переехали в Павлодар. Сара плохо это перенесла, у нее случился отит, и я долго лечила ее ванночками. Несмотря на новую обстановку Сара быстро освоилась. Я часто оставляла ее одну в манеже, и она тихонько играла, была самодостаточным ребенком. Может, сыграло также и то, что я включала классическую музыку почти все ее детство, чтобы она не реагировала на шумы и резкие звуки.

Денег не хватало. Отец Сары работал на госслужбе и получал 300 долларов, этого едва хватало на оплату квартиры и питание.

В тот же период я научилась наращивать ногти и делать дизайн. Тогда это было актуально, а в Павлодаре была небольшая конкуренция, маникюр только набирал популярность, и я оказалась при деле. Подруга помогла с приобретением всех материалов, и уже в первую неделю нашла себе клиентов.

Каждый день я работала и на дочку совершенно не хватало времени. Я объясняла Саре, что очень жалею, что не могу быть с ней долго, и она вроде понимала меня по взгляду и интонации. Я видела, что она все равно любит и не обижается на меня.

К ней приходил массажист, Саре очень нравились эти процедуры. А с четырех месяцев я повела ее на плавание, где у нее появился первый тренер, который учил ее правильно нырять. В бассейн она ходила с удовольствием. Вода была ее родной стихией, так как по гороскопу Сара Рыбы.

Во дворе приходилось гулять с местными мамочками, которые воспитывали своих детей, как обычно. Они возмущались моей методике, говорили, что я черствая, а я никогда не любила сюсюкать, как это часто делают с детьми. Так они становятся очень избалованными и не знают границ в желаниях, а потом начинают практически требовать. Мамы во дворе объясняли своим деткам, кто такая кошка, собака, какие звуки они издают.

– Почему ты не разговариваешь с Сарой? – удивлялись они. – Почему не показываешь ей животных и не говоришь, что они мяукают и лают?

– Она сама это видит, – говорила я и в дальнейшем лишь убедилась в правоте, что не стоит сотрясать воздух лишними очевидными словами, чтобы ребенок, как попка-дурак указывал каждый раз на зверя пальцем и повторял «мяу-мяу» или «гав-гав». Сара прекрасно сама потом поняла, что кошка мяукает, собака лает, а люди разговаривают без особых объяснений с моей стороны.

Я до сих пор убеждена, что с ребенком нужно говорить нормальным тоном, как со взрослым, даже если перед тобой маленький карапуз, который еще не разговаривает. Не нужны все эти уси-пусы, которые только развращают и портят ребенка. Приходит время, и ребенок сам все начинает понимать. Всему свое время.

Например, в Индии детей никто не останавливает, им позволяют все, они, как взрослые, вольны делать, что вздумается, но они могут легко обжечься, упасть, сломать что-то и быстро усваивают урок. Конечно, это тоже крайность, но, на мой взгляд, более разумная, чем постоянно беспокоиться, трястись и бегать за ребенком, если он вдруг наступил носочком в лужу.

На улице Сара вела себя спокойно, как и дома, смотрела по сторонам и о чем-то думала. До года она не разговаривала, была себе на уме. Мне казалось, у нее свой особый мир, в котором ей хорошо. Ей нравились пешие прогулки, Сара ни с кем не конфликтовала и никогда не капризничала, она всегда играла сама по себе, ей не бывало скучно.

У этого были и свои недостатки. Когда к ней подходили бабушки и дедушки, неважно, родные или нет, чтобы обнять, потрогать или потеревить за щечку, Сара часто отталкивала их ручками со словами «отойди, не надо!». Мне это не нравилось, и было неловко перед другими, но почему-то объяснять это дочери я не стала.

В одиннадцать месяцев Сара начала разговаривать, все слова повторяла четко и внятно. Просто взяла и заговорила. В год она уже знала азбуку и много стихов. Рассказывала с выражением, меняла интонацию, делала паузы. Было забавно: пухлая девочка, модно одетая, читала стихи с эмоциями пятилетнего ребенка. Сара развивалась быстро, я читала ей книжки, сказки, все стихи Агнии Барто, Маршака она запоминала машинально. У нее была азбука, и на каждую букву Сара рассказывала четверостишия в разброс.

Тогда же я устроила ее первый день рождения. Квартира была убогой, но я украсила ее, как могла, шариками и самодельными гирляндами. Пришли гости – другие мамы с детьми, праздник удался на славу.

Глава 3

Младшая дочь – Альма

Смысл жизни я вижу в детях, и не спешите осуждать меня и думать, что перед вами очередная домохозяйка, которая помешана на пеленках, кашах и врачах. Я никогда не любила женщин с мужскими профессиями, хотя сама выбрала такую – юрист, но ведь они превращаются в мужчин в юбках, теряют женственность, становятся жесткими и меняются с мужчиной местами. Именно потому что сейчас полно самостоятельных жестких бизнес-леди, которым никто не нужен, мужчины стали слабыми и мягкими, как дети. Но и к домохозяйкам, которые теряют свою индивидуальность, я отношусь крайне холодно. Тем не менее, если придется выбирать между семьей и карьерой, я выберу первое. Удачная карьера женщины – это семья и дети, возможность подарить опыт и хорошее образование, научить, вложить потенциал, передать сильные хорошие черты, чтобы сделать мир чуточку лучше.

Я обожаю Маргарет Тетчер, она идеал политика в женском облики, но если бы мне предложили вжиться в ее роль, я бы отказалась. Люди, которые посвящают себя карьере, забывают и про мужа, и про семью, они начинают выполнять мужские задачи, а это перекос и в энергетическом плане, и в духовном, который чреват болезнями. Потому я предпочла поставить детей на первое место, а параллельно заниматься чем-то для души и дохода.

Когда Саре исполнилось год и девять месяцев, у нее появилась сестренка Альма. Младшая дочь родилась 19 сентября 2005 года. Она была очень хрупкой смуглой девочкой, а лицо было беленьким. Как обычно я нашла женщину для перевязывания пуповины. На этот раз ей оказалась Римма – очень ответственная и добрая, у которой я наблюдалась всю беременность.

Как и все мои дети, Альма за месяц набрала сразу три килограмма. Она была такой же активной, как и Наирь.

Саре сестренка была интересна. Она постоянно подходила к ней и рассматривала большими глазами, дергала за руки, заглядывала в нос и рот. Будто для Сары это была единственная интересная кукла, ведь с обычными игрушками она почти не играла, ее интересовали конструкторы, книги и шарики.

Поскольку Альма была беспокойной девочкой, Сара быстро потеряла к ней интерес, так как начала от нее уставать, и снова углубилась в свой мир.

А Альма начала болтать на каком-то непонятном, чуть ли не на китайском языке. Никто не понимал дочку, кроме меня и няни. Альма отличалась от Наиря и Сары очень веселым нравом и искренностью. Если ей что-то нравилось, она визжала и прыгала, смеялась в голос. Если чем-то была недовольна, открыто выражала чувства, бормотала на своем языке, как настоящий брюзга, и все над ней смеялись. Конечно, по-доброму.

В год Альма резко вытянулась, похудела и сделала первые шаги. Ей все нравилось пробовать на вкус. Все предметы автоматически тянулись в рот. Однажды она промахнулась, и мне пришлось вести Альму в больницу, так как у нее что-то застряло в носу. В выходные Павлодар будто вымирает, потому нам пришлось очень долго ждать, когда же нас примут. Субботняя смена не торопилась, более того, не нашли даже инструментов, а если что и найдут, то будут лезть в нос моей дочери грязными руками. Я в полном возмущении покинула детскую больницу, оставив нелицеприятную запись в жалобной книге. Пришлось ждать до понедельника, чтобы поехать в частную клинику. Не знаю, как я пережила выходные, ведь с Альмой могло случиться все, что угодно, но я зависела от других людей, и это убивало.

В частной клинике нас принял очень любезный доктор и за считанные секунды вынул из носа Альмы пластмассовую деталь от игрушки, которая уже успела обрасти плотной слизистой тканью. Альма рыдала. Нам дали гору капель для заживления и отправили домой, где я объяснила дочери, что нельзя пихать в рот и нос все подряд, иначе потом доктор сделает так же больно, как сейчас. Конечно, в один год она меня поняла отлично и пообещала в высоко-

парных выражениях больше так не делать... В общем, она продолжила рыдать слезами с целые горошины.

Альма продолжала говорить на своем языке. Мы с няней читали ей книжки, а дочка пересказывала их на своем тарабарском.

Однажды я купила ей музыкальные детские инструменты – гитару, ионику, бубен, барабан и скрипку. Альма изучила все и остановилась на ионике. По два, а то и три часа она бречала по клавишам, сводя всех с ума. Так длилось почти год. Видя интерес к музыке, я подумала обучить Альму играть на фортепиано. Конечно, чуть позже.

А пока решила заняться физическим воспитанием детей. Мне хотелось, чтобы дочери были стройные и спортивные. В четыре года Альма вместе с Сарой начали первые упражнения на растяжку. Я учила их вставать на мостик и садиться на шпагат, совместными усилиями девчонки пробовали делать колесо. Начинали сначала с простого – скакалка, прыжки, бег, а потом уже начинали растяжку. Сара была пухлее сестры, потому между ними постоянно проходило соревнование. У Альмы все получалось ловчее, она быстро училась и не боялась падать. С меньшим ростом у нее удавалось лучше, чем у Сары, но старшую это не расстраивало, а наоборот придавало больше сил для победы над сестрой.

С началом учебного года я записала девочек на художественную гимнастику. У Альмы по-прежнему все получалось, но она не старалась. Когда нужно было тянуть носок, Альма просто выполняла элемент, но делать это чисто ее не привлекало. Тем не менее, Альма заняла в соревновании второе место, на первом оказалась более старательная девочка, которая выполнила все идеально чисто. Альма была расстроена вторым местом, она расплакалась прямо на награждении. Я не реагировала и не пыталась ее успокоить. Я считала, что дочь сама должна пройти через это. Во время подготовки я говорила, что нужно стараться выполнять элементы, как просит тренер, иначе первого места не видать. Я сшила ей красивый костюм и надеялась, что дочка захочет победить по-настоящему, но она стояла на своем, говоря, что все и так прекрасно делает.

Придя домой, Альма бросила свой диплом на пол. Я опять не обратила на этот жест внимания. Альма не захотела обедать и пошла спать. Я не возражала, так как говорила о подобном результате, говорила, над чем нужно работать, но Альма меня не послушала. Мне хотелось, чтобы она стала менее упрямой и прислушивалась к другим, если хочет чего-то добиться. Первое поражение сыграло свою роль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.